

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ОКЕАНЕ У АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

В современной литературе широко распространен взгляд, согласно которому ионийцы представляли себе Океан либо в виде мирового моря (Анаксимандр), либо в виде реки, омывающей землю со всех сторон (Гекатей). Как кажется, есть основания полагать, что Океан ионийцев — нечто более сложное, чем просто река или даже море. Если это так, то нет оснований столь резко, как это часто делается в работах современных исследователей, противопоставлять Гекатея Анаксимандру.

Среди географических проблем, привлекавших к себе интерес античных авторов, проблема Океана¹ занимает особое место. Впервые Океан появляется в поэмах Гомера, наделенный целым рядом чисто мифических свойств, как морское божество, прародитель всех богов и титанов (II. XIV, 201, 303, 311; XX, 7). Но прежде всего Океан Гомера — это огромная река, обтекающая землю и море (II. XVIII, 399; ср. Od. XX, 65), образ которой отразил некоторые попытки — еще наивные и неопределенные — осмыслить окружающий мир².

К VII — VI вв. до н. э. опыт мореплавания был уже вполне достаточным для того, чтобы могло возникнуть представление о мировом море, окружающем сушу со всех сторон³. По мнению целого ряда исследователей, предположение о существовании мирового моря могло быть высказано скорее всего Анаксимандром — самым крупным философом и ученым среди первых географов, имена которых сохранила античная традиция (см. ниже). Именно Анаксимандр, создавший стройную космогоническую систему, мог, обобщив наблюдения мореплавателей и путешественников, не только начертить первую географическую карту, улучшенную Гекатеем, но и заложить основы новой науки географии⁴. Ему, как полагают, принадлежала гениальная догадка о существовании моря к северу и к востоку от Европы и Азии, т. е. там, куда греки не плавали. Многие исследователи считают, что именно Анаксимандр перенес на мировое море название Океан⁵. Вместе с тем никто не сомневается в том, что Океан (мировое море) Анаксимандра не имеет ничего общего с мифической рекой Океан у Гомера, поскольку мировое море, так же как и другие моря у Анаксимандра, скорее всего остаток первоначальной влаги, некогда покрывавшей землю⁶.

¹ Подробная сводка представлений древних об Океане дана Ф. Гизингером (*Gisinger F.* Okeanos. — RE, XVII, Sp. 2308 f.).

² См. Блаватская Т. В. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э. М., 1966, с. 127.

³ Подробнее об уровне знаний ко времени Анаксимандра см. *Berger H.* Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. 2. Aufl. Lpz, 1903, S. 52 f.; *Gisinger.* Op. cit., Sp. 2321 f.

⁴ См. *Berger.* Op. cit., S. 36 f. (по мнению Бергера, география Анаксимандра должна была представлять собой естественное ответвление созданной им системы мира). См. также *Heidel W. A.* Anaximander's Book: The Earliest Known Geographical Treatise. — Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, LVI, 1921, № 7. Создателем географической науки считает Анаксимандра также А. Б. Дитмар (Анаксимандр и начало древнегреческой географии. — Вопросы естествознания и техники, вып. 2 (27), 1969), подробно рассматривающий полемику сторонников этого взгляда с теми исследователями, по мнению которых создателем античной географии следует считать Гекатея.

⁵ См. об этом подробнее *Gisinger.* Op. cit. Гизингер, правда, отмечает, что вопрос о названии мирового моря у Анаксимандра не решен. Оно могло также называться и ἡ ἕξω θάλασσα — под таким названием оно впервые встречается у Пиндара (см. Nem. III, 21 sq.; Isthm. III, 73 sq.). Это название стало общеупотребительным ко времени Геродота. Мировое море Анаксимандра могло также называться и ἡ ἐτέρη θάλασσα — как у Аристия, в отрывке, приведенном Дамастом (см. *St. Byz.*, s. v. Ὑπερβωρεῖος).

⁶ См. *Рожанский И. Д.* Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979, с. 148. Нельзя исключить здесь определенное влияние учения Фалеса о первоначальной влаге, которое еще античные авторы в свою очередь ставили в связь с древними ми-

Гораздо сложнее вопрос об Океане на карте Гекатея. Широко распространен взгляд, согласно которому Гекатей — в отличие от Анаксимандра и других ионийцев — понимал под Океаном не море, а реку Океан и что именно Гекатею адресованы — и вполне обоснованно — насмешки Геродота. Эта точка зрения нашла свое отражение и в статье Ф. Якоби «Hekataios», опубликованной в RE (VII, Sp. 2703). Сторонники этой точки зрения принимают ее безоговорочно⁷, а между тем аргументация Якоби далеко не безупречна, более того, противоречива. В самом деле, в качестве основного исходного пункта для суждений об Океане в понимании ионийцев Якоби использует широко известный отрывок из второй книги Геродота (II, 23): «Тот, кто рассуждает об Океане, попадает в область неясных преданий и обычно не приводит доказательств: в самом деле, я ничего не знаю о существовании реки Океан. Это имя, как мне кажется, придумал Гомер или еще кто-нибудь из древних поэтов и ввел его в свою поэзию»⁸. В ходе рассуждений этот текст Геродота используется Якоби один раз для доказательства того, что критика Геродота в адрес ионийцев не заслуживает доверия. Якоби в этой связи пишет: у ионийцев о картине мира, созданной эпосом, не может быть и речи; когда же Геродот упрекает ионийцев в том, что они повторяют выдумки поэтов, то это выражение намеренно пренебрежительно и не соответствует действительности (so ist Ausdruck absichtlich verächtlich und nicht zutreffend)⁹.

Однако, обращаясь к взглядам Гекатея, Якоби использует тот же текст Геродота уже как позитивный материал, свидетельствующий о том, что Гекатей, подобно Гомеру, считал Океан рекой¹⁰. Но либо слова Геродота не заслуживают доверия и потому не отражают взглядов ионийских географов, либо они соответствуют действительности и тогда не могут служить примером предвзятости суждений Геродота об ионийцах.

Столь же непоследовательно использует Якоби и отрывок из схолий к Аполлонию Родосскому (IV, 59), включенный им в число фрагментов Гекатея Милетского. В этом отрывке приведен рассказ Гекатея Милетского о том, что аргонавты на обратном пути проникли по реке Фасис в Океан, а оттуда в реку Нил и затем εἰς τὴν ἡμετέραν θάλασσαν. Последнее выражение Якоби считает словами самого Гекатея¹¹. Однако, принимая для Гекатея выражение «наше море», Якоби отказывается видеть в нем, казалось бы, самоочевидное доказательство существования моря внешнего, которому «наше» море (внутреннее) явно противопоставлено. При этом свой отказ Якоби никак не мотивирует¹². Позиция Якоби представляется противоречивой еще и потому, что он, противопоставляя Гекатея как географа эмпирику Геродоту, подчеркивает, что картина мира Гекатея построена на философской основе и, не будучи оригинальной, не отличается от той картины мира, которая была принята остальными ионийцами. У этих последних, по мнению самого Якоби, Океан безусловно море.

фами. См. *Arist.*, *Metaph.* I, 3, 983 b 18 sq. Ср. *Arist.*, *Meteorol.* II, 1, 353b 6 sq. и комментарий в издании Ли — *Aristotle. Meteorologica with an English Translation* by H. D. P. Lee. L., 1952, p. 125 f.

⁷ Та же точка зрения принята и в *Der Kleine Pauly*, IV, Sp. 269, где отмечено, что у всех ионийских натурфилософов Океан — море. Исключение — Гекатей, у которого Океан — река. В советской литературе той же точки зрения придерживается Л. А. Ельницкий (Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 65 сл.); ср. *Льянков И. В.* Массажеты. — ВДИ, 1975, № 2, с. 61, прим. 75.

⁸ Подробнее о тех сведениях, которые приводит Геродот относительно океана, см. ниже.

⁹ В качестве еще одного примера, свидетельствующего о предвзятости оценок ионийской географии у Геродота, Якоби приводит: *Herod.*, III, 115.

¹⁰ *Jacoby*. Op. cit., Sp. 2703.

¹¹ См. FGrH № 1, fr. 18a, где эти слова даны разрядкой, как принадлежащие самому Гекатею.

¹² Якоби не может не ощущать, что выражение ἡ ἡμετέρα θάλασσα предполагает антитезу, и потому пишет: «...dahau darf man nicht auf eine ἔξω θάλασσα des. H. (Гекатея. — *И. III.*) schliessen», но почему, собственно, «нельзя», не поясняет.

Более последовательным представляется решение вопроса об Океане Гекатея, предложенное Гизингером, по мнению которого нет оснований выделять Гекатея из общей массы ионийских географов и картографов. Ко времени создания труда *Ἡς περίοδοι* и карты Гекатея поток сведений о морях, омывавших известную грекам землю с запада и юга, не оставлял места для гомеровского кругового потока — реки Океан. Плавание Евтимена, которое Якоби, в частности, относит к концу VI в. до н. э.¹³, познано греков с Атлантическим Океаном у побережья Северной Африки, а возможно, и с другими водами Атлантики¹⁴. Как отмечает Гизингер, Гекатею уже должны были быть известны и названия отдельных морей¹⁵. Морем считает Океан Гекатея и Томсон¹⁶. Так, он пишет: «Если Гекатей серьезно считал, что аргонавты совершили свое путешествие кругом по Океану, разве мог Океан все еще считаться рекой?» Добавим к этому соображению следующее: в Океан Гекатея можно попасть непосредственно по рекам Фасису и Нилу. Налицо прямая связь этих рек с Океаном, подобная связи Нила и Фасиса со Средиземным и Черным морями. У Гомера в Океан — круговой поток — плывут по морю, воды которого приводят к Океану, как это многократно отмечалось, но не сливаются с ним (см. *Od.* XI, 1, 13, и XII, 1—2). Отличие весьма существенное, и свидетельствует оно безусловно в пользу того, что Океан у Гекатея — не гомеровский круговой поток, а внешнее море¹⁷.

Если же обратиться к античной традиции, то здесь прежде всего следует принимать во внимание сведения Агатемера (*Geogr. Inform.* I, 1) о том, что Гекатей улучшил (*διηκρίβωσεν*) карту Анаксимандра. С точки зрения поздних авторов, уже привыкших к понятию Океан — мировое море, возвращение к гомеровскому потоку после мирового моря Анаксимандра едва ли могло считаться улучшением карты, хотя, разумеется, говоря об улучшении, поздние авторы имели в виду прежде всего те уточнения и дополнения, которые внес Гекатей, используя каркас карты, составленный Анаксимандром. Не случайно, на наш взгляд, античная традиция связывает эти два имени — Анаксимандра и Гекатея — при упоминании о первых шагах греческой географии; так, Эратосфен у Страбона (I, 1, 1), Агатемер, а позднее Евстафий (*GGM*, II, p. 208) и схолии к Дионисию (*GGM*, II, p. 428). Последние два источника интересны еще и тем, что в них наряду с перечислением картографов приведены также общие соображения о предмете изучения географии и ее отличиях от хорографии.

Большую часть географических сочинений, появление которых было вызвано к жизни конкретными нуждами мореплавания и торговли (периплы, периплы, периплы), древние относили к «хорографии» («землеописанию»), но Гекатея в число хорографов они не включали. Его, как и Анаксимандра, они считали творцом «чистой» географии — географии как науки о земле в целом, заниматься которой было делом философа. Конечно, Якоби прав, когда, рассматривая вопрос об отличиях географии

¹³ См. RE, VI, col. 1509. Якоби считает, что сочинение Евтимена было использовано Гекатеем. Некоторые исследователи, впрочем, относят время жизни Евтимена к IV в. до н. э. См., например, *Bauer A. Historische Untersuchungen*. P., 1882, I, S. 665.

¹⁴ См. Хенниг P. Неизвестные земли. Т. I. М., 1961, с. 104 сл.

¹⁵ *Gisinger*. Op. cit., Sp. 2321.

¹⁶ Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953, с. 149.

¹⁷ Не следует также забывать, что у Гомера Океан — безусловно река, имеющая два берега, на одном из которых расположена ойкумена, а на другом (где-то против Огигии, находящейся в пределах ойкумены по эту сторону Океана) — преддверие Аида, которое расположено в области киммериян: чтобы попасть в эту область, Одиссей должен переплыть Океан (*Od.* XI, 1—22; X, 504—512) и затем, пройдя берегом Океана, противоположным тому, на котором лежит ойкумена (т. е. пройдя берегом земли киммериян), достигает места, указанного ему Цирцеей (*Od.* XI, 20—22). Насколько можно судить, у Гекатея Океан нигде не имеет противоположного берега, хотя Гекатей, как и Гомер, считает эфиопов обитающими на берегу Океана. Иными словами, если Океан Гомера, как всякая река, течет между двумя берегами, то Океан Гекатея имеет лишь один берег, на котором и находится ойкумена.

Анаксимадра и Гекатея и указывая на большую точность последнего, он подчеркивает, что Гекатей внес в географические описания элементы хорографии¹⁸, получившей в его время серьезное развитие. Но, по оценке древних, содержание труда Гекатея отнюдь не ограничивалось простым, хотя и очень полезным перечислением всех рек, городов, источников. Гекатей, по мнению древних, — географ-философ, способный дать описание всей совокупности земли (*ὅλον τὸ τῆς γῆς σῶμα*).

По этой отмеченной нами линии и проходит грань между Гекатеем и Геродотом. Последний не может быть назван географом-философом именно потому, что для него любая теория — это выдумка, подобная фантазиям поэтов. Хотя, разумеется, и Геродот не был простым хорографом. Географические экскурсы в его «Истории» имеют своей целью оттенить основное, чисто историческое содержание его повествования. Как географ, Геродот не оригинален и чаще всего использует наряду с хорографическими описаниями труды тех же ионийцев, не упуская при этом случая поспорить с ними, если его наблюдения дают ему такую возможность. Чаще всего он нападает именно на попытки ионийцев обобщить и осмыслить известные им факты и наиболее яростно — на их предположение о существовании мирового моря — Океана. Обратимся к тем отрывкам из его «Истории», в которых есть упоминания об Океане, — на них обычно основываются все предположения современных исследователей об Океане ионийцев у предшественников и современников Геродота.

Впервые Геродот упоминает об Океане в связи с оценкой существующих предположений о разливах Нила, высказанных эллинами, о которых он отзываясь весьма ядовито (II, 20): «эллины, которые желают прославиться мудростью». Вначале разбираются два предположения, которые, по словам Геродота, не стоят упоминания, разве что самого кратко. Первым (II, 20) излагается (и притом достаточно подробно) мнение, согласно которому разливы Нила вызывают северо-восточные ветры. Второе объяснение — его Геродот считает еще нелепее первого — объясняет повышение и понижение воды в Ниле тем, что Нил течет из Океана (II, 22). Затем следует пространное изложение третьего, как будто бы наиболее правдоподобного, а на самом деле, как утверждает Геродот, наиболее ложного утверждения, связывающего разливы Нила с таянием снегов. Изложив свои возражения против этого предположения, Геродот в следующей главе (II, 23) снова возвращается к вопросу об Океане, который, строго говоря, выходит за рамки его повествования о Египте. Как бы спохватившись, что по столь важному сюжету были высказаны не все его соображения, он снова рассматривает проблему Океана — уже вне всякой связи с разливами Нила, разрывая тем самым свою основную мысль. На это рассуждение Геродота обычно ссылаются сторонники точки зрения, согласно которой на карте Гекатея океан аналогичен гомеровской реке Океан: *ὁ δὲ περὶ τοῦ Ὠκεανοῦ λέξας ἀράνης τὸν μῦθον ἀνεπίκτας οὐκ ἔχει ἐλεγχοῦ· οὐ γάρ τινα ἐγώ γε οἶδα ποταμὸν ἔοντα, Ὀμηρον δὲ ἢ τινα τῶν πρότερον γενομένων ποιητῶν δοκέω τοῦνομα εἰρόντα ἐς ποιήσιν ἐσενείκασθαι.*

С еще двумя упоминаниями об Океане мы встречаемся в четвертой книге. Первый раз в связи с рассказом о быках Гериона (IV, 8), *τὸν δὲ Ὠκεανὸν λεγόμενον λέγουσι ἀπὸ ἡλίου ἀνατολέων ἀρξάμενον γῆν περὶ πᾶσαν ῥέειν, ἔργω δὲ οὐκ ἀποδείκνυσι.* Второй — в известном описании карт земли (IV, 36), где отмечено, что многие создатели таких карт изображают океан текущим вокруг земли, круглой, как будто вычерченной циркулем, — *οἱ Ὠκεανὸν τε ῥέοντα γράφουσι περὶ τὴν γῆν κυκλωτέρως ὡς ἀπὸ τύρου.*

Приведенные отрывки свидетельствуют о том, что вопрос об Океане был весьма острым во времена Геродота. Само название «Океан» Геродот использует только в полемике. Всякое внешнее море для него ἡ ἕξω θάλασσα, а Океан — это река, текущая вокруг земли. Карты, на которых

¹⁸ *Jacoby. Op. cit., Sp. 2690.*

земля изображена в виде круга, окруженного со всех сторон Океаном, с его точки зрения, нелепы и смешны. Их создатели не могут правильно объяснить очертания земли. По мнению Геродота, доказательства существования Океана нет, так как Океан — река — выдумка поэтов, скорее всего Гомера. Геродот не верит в существование реки Океан и отрицает, что обитаемая земля круглой формы и со всех сторон окружена водой, ибо нет никаких точных свидетельств о море на севере и востоке Европы. Это последнее обстоятельство он отмечает в IV, 45; ср. III, 115. Есть все основания полагать, что критика Геродота — во всяком случае там, где речь идет о «многих» (πολλοίς) создателях карт, адресована скорее всего ионийским картографам¹⁹ (и в том числе Анаксимандру и Гекатею), карты которых имели широкое хождение как во времена Геродота, так и позднее — во времена Аристотеля (см. ниже).

По нашему мнению, насмешки по поводу обтекающего землю Океана также следует относить ко всем ионийским картографам²⁰. Но как в этом случае отнестись к словам Геродота о выдуманной Гомером реке Океан? Можно ли считать, что это всего лишь недобросовестная попытка Геродота скомпрометировать неприемлемую для него гипотезу ионийцев о существовании внешнего мирового моря? Так считает, например, Якоби (в том случае, когда рассматривает II, 23 применительно ко всем ионийцам — см. выше)²¹. Гизингер полагает, что Геродот приписывает своим противникам поэтический образ Океана в пылу полемики. К критическому восприятию слов Геродота призывал еще Бергер, по словам которого, мы не должны, подобно Геродоту, впасть в заблуждение из-за того, что для мирового моря было сохранено древнее название Океан²².

Но так ли просто решается этот вопрос? Конечно, для Геродота не было принципиальной разницы между мифом и теорией, если последняя не могла быть доказана фактами (ἔργῳ). И все же едва ли следует сводить всю проблему к одной злокозненности Геродота. Хотя полемический запал и мог иметь место в его отношении к ионийцам, и особенно к Гекатею, но само отрицание географических взглядов ионийцев не случайны. Для V и IV вв. до н. э. подобная позиция весьма характерна²³. Отрицались достижения ионийцев в области физики, астрономии и, разумеется, географии, где стержневым был вопрос об Океане. Вопрос этот для древних авторов V—IV вв. до н. э. имел, на наш взгляд, две стороны: 1) что означало у ионийских натурфилософов, и в частности у Гекатея, само название «Океан» — реку или море? 2) как оценивать утверждение ионийцев, что земля со всех сторон окружена морем?

В том, что вопросы эти не случайны, убеждает обращение к географическим взглядам Аристотеля, его отношению к проблеме мирового моря и к вопросу об океане ионийцев. Особый интерес представляет отрывок

¹⁹ См. *Gisinger F. Geographie.* — RE, Supplbd. IV, Sp. 550, См. также ниже.

²⁰ Якоби, относя отрицательный отзыв Геродота в IV, 36 только к Гекатею, недостаточно последователен в чисто источниковедческом плане. Так, в той же статье о Гекатее он отмечает, что Геродот безусловно имеет в виду Гекатея, когда его противники названы Ἴωνες. В тех же случаях, когда оспариваются взгляды тех, кто назван Ἑλληνας, — это могут быть и взгляды Гекатея, полученные Геродотом из вторых рук, но могут быть и просто мнения, широко распространенные у греков. В IV, 36 речь идет о γῆς περιόρους γράφαντας πολλοίς без уточнений. Взгляд Гизингера, согласно которому описание карт у Геродота следует относить ко всем ионийским картографам, а не только к Гекатею, более распространен в научной литературе, хотя и не без некоторых оговорок. Так, Кан (см. *Kahn Ch. H. Anaximander and the Origin of Greek Cosmology.* N. Y., 1960, p. 82 f.) отмечает, что по схеме, нашедшей отражение у Геродота, в то время рисовалось много карт, но в словах о людях, которые не могут правильно объяснить очертания земли, он усматривает намек на «Землеописание» Гекатея.

²¹ Это, как уже отмечалось, не мешает Якоби видеть в Herod., II, 23 доказательство того, что у Гекатея Океан — это река.

²² *Berger.* Op. cit., S. 41.

²³ См. об этом, например, *Гейберг И. Л.* Естествознание и математика в древности. М. — Л., 1936, с. 18; ср. *Томсон.* Ук. соч., с. 153 сл.

из I книги «Метеорологии», сочинения, в наибольшем объеме отразившего представления Аристотеля о географии. В интересующем нас отрывке (I, 9, 346 b 37—347 a 6) Аристотель излагает свои взгляды по поводу круговорота влаги в природе, каковому он отводит важнейшую роль во всех явлениях природы. Приведем этот отрывок полностью: «Существует круговорот (т. е. круговорот влаги. — *И. III.*), отражающий круговое движение солнца. Ведь одновременно с тем, как солнце перемещается по небосводу, она (т. е. влага. — *И. III.*) перемещается вверх и вниз. Ее можно представить себе в виде реки (потока), текущей кругом вверх и вниз и представляющей собой смесь воздуха и воды. Когда солнце близко — поток испарений течет вверх, когда же солнце уходит — поток испарений течет вниз. И таким образом это происходит постоянно. Так что если древние говорили об Океане намеками (*ἠνίττοντο*)²⁴, то скорее всего они имели в виду именно такую реку, текущую вокруг земли».

Итак, Аристотель говорит, что река Океан, которая, по мнению древних, текла вокруг, скорее всего означала круговорот влаги. Как толкуется этот отрывок в научной литературе? Комментаторы, как правило, ограничиваются толкованием данного отрывка без привлечения какого-либо широкого контекста. Так, у Штрама мы читаем: «Аристотель обдумывает здесь вопрос о том, не было ли в древнем слове Океан неосознанного намека на круговорот воды, который только у него получил правильное, научное освещение»²⁵. Однако никаких попыток уточнить, кого Аристотель называет здесь *οἱ πρότερον*, Штром не предпринимает, а между тем в той же самой «Метеорологии» *οἱ πρότερον* — дважды (II, 2 354 b/ и 355 a/ sq) — это ионийские натурфилософы²⁶. Столь же уклончиво пишет и Гизингер²⁷, по словам которого здесь речь идет о попытке Аристотеля объяснить гомеровское понятие Океан. Однако Гизингер не уточняет, следует ли относить это только к Гомеру или же *οἱ πρότερον* (как и в II, 2) могут означать и философов — предшественников Аристотеля.

Более серьезно и глубоко анализируют этот текст исследователи, рассматривающие корни философских воззрений Аристотеля, хотя для них вопрос об Океане специального интереса не представляет. Так, в классической работе Чернисса интересующий нас фрагмент включен в число цитат философов досократовского периода, на которых, как подчеркивает Чернисс, Аристотель нередко ссылается для того, чтобы показать, какую стройность приобрели в его трудах идеи, неясно выраженные его предшественниками²⁸. Подробно рассматривает этот фрагмент Аристотеля Кан. Он отмечает, в частности, что в словах Аристотеля о влаге, циркулирующей вокруг, подобно реке, текущей вокруг вверх и вниз (*ῥέον·αὐτὸ καὶ ἄνω καὶ κάτω*), прослеживается отчетливое сходство с сохранившимися фрагментами Гераклита (Fr. 33 = B 60): *ὁδὸς ἄνω καὶ κάτω, μία καὶ ἡ ἀόρη*. Однако сама теория, согласно которой круговорот влаги в природе уподобляется реке, текущей вокруг земли и вверх и вниз, по мнению Кана, — бесспорно восходит к Анаксимандру или Анаксимену²⁹. Таким образом, есть основания утверждать, что слова Аристотеля (I, 9, 346 b 37—347 a 6) должно относить к древним ионийским философам и что именно древние ионийские философы (*οἱ πρότερον*), говоря о реке Океан, подразумевали при этом

²⁴ О мифологической фразеологии, к которой вынуждены были прибегать первые греческие философы и которая была уже совершенно несвойственна и не всегда понятна мыслителям V — IV вв. до н. э., см. ниже.

²⁵ *Aristoteles. Meteorologie über die Welt, übersetzt von H. Strohm. B., 1970, S. 150.*

²⁶ Здесь обсуждаемые Аристотелем мысли древних (*οἱ πρότερον*) о море как о начале всего Штром считает представлениями ионийских натурфилософов (Op. cit., p. 171).

²⁷ *Gisinger. Okeanos, Sp. 2327.*

²⁸ См. *Cherniss H. Aristotles Criticism of Presocratic Philosophy. Baltimore, 1935, p. 345, cf. XII*

²⁹ *Kahn. Op. cit., p. 106; ср. West W. L. Early Greek Philosophy and the Orient. Oxf., 1971, p. 122 f.*

круговорот влаги. Напомним также, что в «Метеорологии» Аристотеля древние ионийские философы еще дважды названы *οἱ πρότερον*. Немаловажно также и то обстоятельство, что в сочинениях, надежно принадлежащих Аристотелю, упоминания об Океане встречаются всего три раза. Один случай — это наш фрагмент. Кроме него, в нашем распоряжении всего два случая в «Метафизике», где речь идет, вне всякого сомнения, об Океане Гомера и Гесиода. При этом в первом случае авторы, у которых Аристотель заимствует упоминания об океане, названы *πρῶτοι θεολογίσαντες* (I, 3, 983 b etc.), во втором случае Аристотель называет их *οἱ ποιηταὶ οἱ ἀρχαῖοι* (XIV, 4, 1091 b 4).

Материал для наблюдений, конечно, весьма скуден. И все же, на наш взгляд, он подтверждает право Чернисса, Кана и других рассматривать фрагмент Аристотеля из «Метеорологии» в связи с взглядами ионийских натурфилософов и позволяет считать, что Аристотель называл Океан ионийцев (по Кану, — Анаксимандра или Анаксимена) рекой.

Обратимся теперь к второму из поставленных нами вопросов — как оценивал Аристотель предположение ионийцев о том, что земля со всех сторон окружена водой. Во времена Геродота, как мы помним, это предположение отвергалось, в частности, на том основании, что не было доказательств существования моря к северу и к востоку от Европы (ср. Strabo, II, 5, 5).

Как отмечают исследователи, внешнее море Аристотеля, как и Геродота, — это *ἡ ἕξω θάλασσα*³⁰. Большинство ученых полагает, что, по мнению Аристотеля, ойкумена представляла собой остров, и, следовательно, Аристотель разделял взгляд ионийцев о том, что земля со всех сторон окружена морем. Взгляд этот был высказан еще Зорофом³¹ и по существу принят Бергером³². Их аргументация построена на исследовании упоминаний о внешних морях главным образом в «Метеорологии» Аристотеля. Так, в этом сочинении есть вполне ясное упоминание о морях, окружающих землю с юга и запада³³. Сложнее вопрос о море на востоке³⁴ земли, а также о том, существовало ли, по мнению Аристотеля, море на севере Европы. Широко используется в литературе аргумент Зорофа: Аристотель считал, что на севере существует море, на это указывает его упоминание о европейских реках, текущих в отличие от Истра и Тартесса с Геркинских гор к северу (*πρὸς ἄρκτον*)³⁵. Однако, как справедливо отметил Бергер, здесь может идти речь только о море к северо-западу от Европы³⁶. О море

³⁰ См. *Gisinger*. Okeanos, Sp. 2327.

³¹ *Sorof G.* De Aristotelis geographia capita duo. Diss. Halle, 1886, p. 8 sq.

³² См. *Berger*. Op. cit., S. 321 f. (по мнению Бергера, Аристотель при этом опирался на недвусмысленные высказывания древних философов). Взгляд этот широко распространен в научной литературе. См., например, *Томсон*. Ук. соч., с. 180; ср. *Дитмар А. Б.* Рубежи ойкумены. М., 1973, с. 51 и др.

³³ См. *Meteorol.* II, 5, 363 a 5 sq.; ср. I, 13, 350 a 36 sq.

³⁴ Как отмечает Бергер, у Аристотеля упоминания о Восточном океане отсутствуют. Иного мнения придерживается П. Больхерт (см. *Bolchert P.* Aristoteles Erdkunde von Asien und Libyen. Diss. Wittenberg, 1908, S. 5 f.).

³⁵ *Meteorol.* I, 13, 350 b 4 sq.

³⁶ Вопрос этот запутан прежде всего потому, что нет и, видимо, не может быть ясных представлений о том, что имел в виду Аристотель под Геркинскими горами. Комментаторы полагают, что здесь речь идет о горах Центральной Европы. При этом Ли (ad loc) полагает, что это Альпы — до Карпат. Штром видит здесь массив от Рейна до Карпат. Но о каких реках может идти здесь речь, ни тот, ни другой не упоминают. Конечно, это скорее всего европейские реки, протекающие в северо-западном направлении. Прилекает толкование Бенбери (см. *Bunbury E. H.* A History of Ancient Geography. V. I. N. Y., 1959, p. 400), по мнению которого Геркинские горы — это, видимо, искаженное представление о Герцинском лесе в Германии, название которого встречается у позднейших географов в очень неясной форме. Такое смешение географических понятий не должно удивлять. Достаточно вспомнить о реках Альпис и Карпис у Геродота (см. *Herod.*, IV, 49), в которых, по мнению всех комментаторов, следует видеть отражение искаженных известий об Альпах и Карпатах. В любом случае очевидно, что Геркинские горы Аристотель располагает западнее Рипейских, где берут свое начало скифские реки, текущие с севера на юг.

к северо-востоку от Европы упоминаний у Аристотеля нет. Более того — как это отмечено Бергером — Аристотель вполне намеренно избегает определенного суждения о мировом море. Бергер приводит ряд случаев, когда такое суждение было бы совершенно необходимо и тем не менее оно отсутствует. Так, например, отмечает Бергер, Аристотель опускает упоминание о мировом море, говоря о том, что нашему обитаемому поясу земли соответствует такой же южный пояс (II, 5, 362 b etc.). К примерам, приведенным Бергером, можно добавить еще один, на наш взгляд, очень яркий и убедительный. В «Метеорологии» (II, 5, 362 b 12—15) приведено описание карт, где Аристотель, подобно Геродоту, высмеивает изображение ойкумены в виде круга, но, в отличие от Геродота, ни словом не упоминает о том, что эта земля на ионийских картах со всех сторон окружена океаном. А между тем не только идеально правильная форма земли — круг — требует внешнего завершения. Самый контекст — круглая форма ойкумены неприемлема, так как земля наша — шар, а обитаемая часть представляет собой полосу, которая опоясывала бы этот шар вокруг, если бы ойкумену не разрывало море, — требует разъяснений по поводу мирового моря. Но их нет, и нет потому (Бергер здесь, повторим, совершенно прав), что Аристотель вполне сознательно избегает подобных разъяснений. Это положение Бергера безусловно верно, как верно и приведенное им объяснение. Утвердившись ко времени Аристотеля представление о шарообразности земли потребовало создания принципиально новой карты земли и принципиально нового решения вопроса об океане — мировом море. У Аристотеля, принявшего подобно Платону теорию шарообразности земли, не было ясности по поводу этого важнейшего для античной географии вопроса. По существу здесь между Аристотелем и Геродотом нет принципиальной разницы: карты ионийцев еще в V в. до н. э. были преданы осмеянию, хотя практически при размещении новых морей, рек, гор, как это обстоятельно демонстрирует Бергер, ими продолжали пользоваться еще во времена Полибия³⁷. Но если для Геродота все ясно и он склонен осмеивать (γελῶ δὲ ὄρεων καὶ) на ионийских картах не только кругообразную форму земли, но и главным образом представления об океане, придуманном, по его словам, кем-то из поэтов, что Аристотель отвергает только кругообразную форму ойкумены, представления о которой в его время существенно отличались от того, что считали ойкуменой ионийцы (правда, отвергает почти в тех же выражениях, что и Геродот, — Δὲ καὶ γελῶιως γράφουσι νῦν καὶ). От каких-либо суждений об островном положении земли, о мировом море и об Океане ионийцев он воздерживается даже там, где это необходимо для логического завершения его собственной мысли. Только однажды он позволяет себе слабый намек на то, что под рекой Океан ионийцы (οἱ πρότεροι) скорее всего понимали круговорот влаги. И связана эта уклончивость, вовсе Аристотелю не свойственная, несомненно с тем, что вопрос об Океане — мировом море — не был для него в отличие от Геродота ясен.

Так что же такое в итоге Океан ионийцев? Что о гомеровском круговом потоке не может быть и речи — об этом было сказано достаточно. Название «Океан» ионийцы — и прежде всего Анаксимандр, если принять,

³⁷ Berger. Op. cit., S. 325 f. По существу пользуется старыми картами, восходящими еще к ионийским изображениям земли, и сам Аристотель. В современной науке считается общепризнанным взгляд, высказанный К. Нойманном и развитый его учеником П. Больхертом (см. Bolchert. Op. cit.; ср. Strohm. Op. cit., S. 159), что у Аристотеля в «Метеорологии» представлен уровень географических знаний периода, предшествовавшего походам Александра, и что во многом он повторяет сведения Ктесия. В свою очередь, Ктесий отталкивается от ионийских представлений — во всяком случае в том, что касается запада и севера Европы. Об этом см. Cappelle W. Berges- und Wolkenhöhen bei griechischen Physikern. Lpz. 1916, S. 5 (цитирую по изданию Штрёма, S. 160). Как отмечает Бергер, когда Аристотель писал об истоках рек, он имел перед собой карту, в которой мы по ряду таких «примет», как Рипейские горы и т. д., вправе видеть карту, идущую еще от Анаксимандра (Berger. Op. cit., S. 325).

что именно от него идет это название на ионийских картах, — прилагали к совокупности морей, которые, согласно их гениальной догадке, окружали землю со всех сторон. Но как они представляли себе природу этого мирового моря? Прежде всего мы не можем исключить, что это мировое море, согласно Аристотелю, осуществляло также функцию круговорота влаги. Ведь недаром в «Метеорологии» Аристотеля — сочинении, посвященном, казалось бы, явлениям, связанным с небесными телами, — реки, моря, землетрясения — рассматриваются, по выражению Кана, как «феномены атмосферы». Кан справедливо замечает, что столь широкое понимание предмета метеорологии несомненно ионийского происхождения. У ионийских натурфилософов предметом исследования был естественный мир в целом. Дифференциация и специализация наук — явление более позднее, связанное с накоплением знаний, и Аристотель был одним из пионеров этого процесса³⁸. Но даже у него, повторяем, реки и моря рассматриваются как нечто единое в общем ряду атмосферных процессов.

Нам представляется бесполезным использовать научную полемику Аристотеля с его предшественниками, среди которых видное место занимали ионийские натурфилософы³⁹, по вопросам, связанным с изучением природы морей⁴⁰.

Так, Аристотель резко высмеивает мнение тех, кто полагает, что моря имеют истоки (πηγας). Это, по словам Аристотеля, говорили οἱ μὲν ἀρχαῖοι καὶ διατριβόντες περὶ τὰς θεολογίας. Комментаторы обычно отмечают соответствующие строки из «Теогонии» Гесиода⁴¹. Так, Ли (ad loc) указывает ст. 282, 785—792; Штром, в свою очередь, 736 и 800 сл. Последний, впрочем, отмечает, что οἱ ἀρχαῖοι у Аристотеля могут быть не только «древние» поэты, но также философы, взгляды которых он вполне разделяет⁴².

Значительно шире ставит вопрос Чернисс. Отметив, что слова об истоках морей заставляют вспомнить о Гесиоде, Чернисс обращается к следующему абзацу, в котором Аристотель пишет, что сторонники отмеченного им взгляда (море имеет истоки) считают море началом всего. По мнению Чернисса, здесь можно видеть указание на теорию Фалеса⁴³. Пренебрежительное διατριβόντες περὶ τὰς θεολογίας (Штром выразительно переводит здесь «mit ihrem Götterdichtungen») едва ли может нас удивить. Указание на то, что взгляды оппонента связаны с мифами, — это, видимо, распространенный прием полемики, известный нам еще по Геродоту⁴⁴. Но вот что любопытно: поставив теорию о существовании истоков моря в один ряд с бесплодными размышлениями тех, кто занимается мифами, Аристотель вслед за тем посвящает обширный пассаж опровержению

³⁸ Еще Бендери высказывал сожаление, что Аристотель не оставил специального труда по географии, который помог бы нам ясно представить себе состояние этой науки к IV в. до н. э. (см. *Bunbury. Op. cit.*, I, p. 395). Нам представляется, что отсутствие такого труда вполне закономерно, так как у Аристотеля не было ясных представлений об основных теоретических положениях этой науки.

³⁹ Об этом см. *Cherniss. Op. cit.*, p. IX; ср. p. 339 f.

⁴⁰ См. *Meteorol.* II, 1, 353 a 32 sq. Штром (*op. cit.*, S. 168) отмечает, что начало главы I, посвященной вопросу о морях и их природе, посвящено критике взглядов философов досократовского периода, в основе которой иное представление о соотношении частей и целого.

⁴¹ См. II, 1, 353 a 32 sq.

⁴² См. *Strohm. Op. cit.*, S. 168, где также приведена следующая классификация упоминаемых у Аристотеля оппонентов: по мнению Штрёма, можно выделить три эпохи философских взглядов: οἱ ἀρχαῖοι, люди, обладающие «человеческой мудростью», современники Аристотеля. На наш взгляд, вторая категория носит скорее оценочный, чем временной характер.

⁴³ *Cherniss. Op. cit.*, p. 131, 528.

⁴⁴ διατριβω — букв: терять (напрасно) время. Ср. I, 3, 356 b 4, где Аристотель еще более резко критикует теории Демокрита (о постепенном уменьшении размеров моря, которое в конце концов неизбежно должно исчезнуть). Эта теория, по словам Аристотеля, ничем не отличается от басен Эзона (τῶν Αἰσώπου μύθων οὐδὲν διαφέρειν εἰσὶν ὁ πεπεσμένος οὐτός).

этой, казалось бы, не стоящей серьезного внимания выдумки. И причина этого очевидна: Аристотель вынужден считаться с тем, что, как было принято в его время, вода внутренних морей — от Меотиды до внешнего моря по ту сторону Геркулесовых столбов, т. е. до Атлантического океана, течет (ρεῖ). И хотя Аристотель с самого начала оговаривает, что море не относится к числу текучих вод (II, 1, 354 b 20 sq), а только текучие воды могут иметь истоки (τὰ μὲν οὖν ῥυτὰ πάντα πηγαῖα), он тем не менее подробно излагает вопрос о течении воды во внутренних морях, исследует вопрос о причинах этого течения, вызываемого, по его мнению, разницей глубины морей и притоком воды из рек, впадающих в эти моря⁴⁵. Особенно волнует его вопрос о причинах течения в узких местах морей (т. е. в проливах). Штром совершенно прав, когда пишет о том, что попытка Аристотеля объяснить эти течения в проливах «колебанием» (ταλάντωσις) моря⁴⁶ связана с тем, что здесь очевидность явления, которое Аристотель обычно привлекает в качестве доказательства своих построений, работает в пользу его противника и дает возможность поставить вопрос, не связано ли это морское течение с истоками морей. «Колебание» моря дает ему возможность рассматривать течение в проливах в связи с постоянным движением морской поверхности туда и сюда. Правоту Штрота подтверждает и повторенное трижды заключение Аристотеля: ἀδύνατον πηγὰς εἶναι τῆς θαλάσσης. Тщательность, с которой опровергается «выдумка» людей, занимающихся мифами, свидетельствует о том, что в существование истоков морей верили и во времена Аристотеля. И верили именно потому, что моря, как и реки, по мнению оппонентов Аристотеля, обладали способностью течь и тем самым принадлежали к числу вод, классифицируемых Аристотелем как ῥυτὰ⁴⁷.

О том, что такая постановка проблемы вполне правомерна, свидетельствует полемика о природе моря, нашедшая свое отражение у Страбона. Конечно, здесь налицо уже более высокий уровень знаний. Так, в частности, Страбону хорошо известно, что приливы и отливы — это явления, доказывающие существование мирового моря, о чем (см. прим. 46) Аристотель, видимо, не имел реальных представлений. Но вопрос о постоянном течении морей по-прежнему дебатруется⁴⁸: так, Страбон (I, 3, 7), рассматривая вопрос о причинах морских течений, приливов и отливов, пишет: «Вообще же уподоблять море рекам — значит противоречить науке физике, так как реки обладают течением по наклонной плоскости, море же, не будучи наклоненным, неподвижно». Это «вообще» (ὅλως), на наш взгляд, указывает, что здесь Страбон высказывается по более общему вопросу — о подобии течений морских и речных, которое он отвергает⁴⁹. И, следовательно, мы можем допустить, что такие сравнения морских и речных течений имели место даже во времена Страбона, когда знания о морях были уже много богаче, а сторонники существования мирового моря располагали вполне серьезной аргументацией.

⁴⁵ Как отмечает Штром (op. cit., S. 170), в остроумной теории, согласно которой бассейны морей от Азовского до Атлантического океана понижаются, можно видеть представления древних (их, добавим, Аристотель называет οἱ ἀρχαῖοι μετασφολλῶχοι).

⁴⁶ См. *Strohm*. Op. cit., S. 170. Отмечая, что у Аристотеля мы встречаем еще всего один раз глагол *ταλαντεύεσθαι* (De gen. 708 b 14), Штром, подобно всем остальным исследователям, указывает, что о приливах и отливах, причины которых Аристотелю не были известны, здесь думать нельзя. Ср. *Lee*. Ad loc. Подробнее см. *Томсон*. Ук. соч., с. 181.

⁴⁷ Может быть, в этом же ряду следует рассматривать и тот факт, что глагол *ρεῖο* продолжает употребляться как в отношении рек, так и в отношении морей.

⁴⁸ См. *Томсон*. Ук. соч., с. 226 сл. По-прежнему бытовала и теория, согласно которой постоянное течение в морях объясняется разной глубиной морей. Эту точку зрения отстаивал и развивал географ Стратон (III в. до н. э.), как о том упоминает Страбон (I, 3, 4). Томсон отмечает, что в действительности все углублявшегося ряда морских бассейнов не существует.

⁴⁹ По мнению Страбона (I, 3, 5), причина морских течений в том, что морское дно поднимается и опускается. Возможно, по представлениям некоторых географов, течение мирового моря начиналось на востоке, как об этом пишет Геродот (IV, 8).

Но если столь длительное время решался вопрос о течении морей и продолжал обсуждаться вопрос об их подобии рекам (а во времена Аристотеля стоял еще вопрос и об истоках морей), то у нас есть все основания полагать, что ионийские натурфилософы, высказавшие догадку о существовании мирового моря, как некой совокупности морей известных и предполагаемых, могли не только рассматривать его в связи с круговоротом влаги⁵⁰, но также наделять его способностью течь, обтекая при этом землю, имевшую, по их представлениям, форму круга. О течении морей они могли говорить, наблюдая приливы и отливы, морские течения, течения в проливах и пр. Может быть, именно это свойство и определило выбор для мирового моря названия, которое у любого грека, воспитанного на поэмах Гомера, ассоциировалось с мифическим потоком воды, обтекающим землю, с представлением о реке.

Нельзя забывать и другое: ионийские натурфилософы не располагали ни терминологией, ни логическими приемами, необходимыми для выражения их принципиально новых, весьма сложных натурфилософских положений. Не следует также забывать, что в это время еще не существовало логики как науки и мышление людей в значительной мере было мифологическим, равно как и терминология. Именно поэтому ионийские натурфилософы для выражения своих весьма сложных, хотя и чаще всего чисто умозрительных построений пользовались мифологической фразеологией, которой, как это обычно отмечается, они стремились придать новый, действительно философский смысл. Это обстоятельство очень четко отметил И. М. Дьяконов в предисловии к «Мифологии древнего мира» (М., 1977, с. 24): «Еще первые греческие философы VI—V вв. до н. э. излагали свои мысли не столько логически, сколько с помощью тропов — главным образом метафор (например, у Гераклита: миропорядок — это „вечно живущий огонь, мерами вспыхивающий и мерами гасимый“, „раздор есть отец всего, царь всего“, „все течет, все меняется, на вступающего в те же реки натекают разные воды“)»⁵¹. Как отметил С. Я. Лурье, мифологическую фразеологию можно обнаружить не только у Гераклита, но и у Анаксимандра. Таково его утверждение, что всякое существо «понесет в строе времен кару и искупление»⁵². Если учесть, что сохранившиеся произведения ионийских натурфилософов, которыми могли пользоваться в V в. до н. э.⁵³, представляли собой скорее всего запись их лекций перед заинтересованной аудиторией⁵⁴, то легко понять, почему смысл их сочинений был не всегда понятен даже образованным людям V—IV вв. до н. э., а их умозаключения, выраженные к тому же в форме метафор, воспринимались как нелепое умствование. Отсюда и насмешки по поводу их теорий в комедиях Аристофана⁵⁵ и язвительные выпады Геродота в адрес ионийцев с их Океаном, воспринимавшимся в это время только сквозь призму гоме-

⁵⁰ В этой связи уместно вспомнить об испарении влаги, остатками которой, по Анаксимандру, были океан и моря (см. выше). Как полагает И. Д. Рожанский (ук. соч., с. 156), взгляды Анаксимандра на метеорологические явления (в их числе и круговорот влаги) не отличались особой оригинальностью и были широко распространены.

⁵¹ Ср. Рожанский. Ук. соч., с. 158.

⁵² См. Лурье С. Я. Очерки по истории античной науки. М.—Л., 1947, с. 35, прим. 33, со ссылкой: *Simpl. Phys.* 24, 13.

⁵³ До наших дней дошли лишь отдельные отрывки, главным образом в передаче Аристотеля и его ученика Теофраста, которым, как отметил П. Таннери (Первые шаги древнегреческой науки. СПб., 1902, с. 23), «нравилось противопоставлять мнения древних физиков. Вместо того, — продолжает Таннери, — чтобы выяснить общие пункты их взглядов, они, напротив, преувеличивали различие с целью взаимного уничтожения этих взглядов и расчистки места для постановки нового тезиса».

⁵⁴ См. *West. Op. cit.*, p. 5 f, где отмечено, что Гераклит никогда не говорит «те, чьи книги я читал», но «те, чьи беседы я слышал» — *οὐδέων λόγους ἤκουσα* (Fr. 83 = = В 108).

⁵⁵ Так, в «Облаках» Аристофана пародируется взгляд, согласно которому солнце тащит каждый раз обратно вверх ту воду, которая проливается Зевсом в виде дождя на землю и наполняет реки (см. *Nub.* 95 sq.). См. об этом Лурье. Ук. соч., с. 14. Подробнее см. *Berger. Op. cit.*, S. 51 и Анн. 3.

ровских представлений и только как мифическая река, придуманная древними поэтами⁵⁶. Между тем в данном случае гомеровский образ кругового потока — Океана был использован ионийцами как метафора для передачи весьма сложных географических и метеорологических явлений⁵⁷. Последнее обстоятельство сумел заметить только Аристотель с его проницательностью ученого и систематика, тщательно изучавшего ионийцев и, несмотря на критику в их адрес — иногда и несправедливую⁵⁸, привыкшего относиться с уважением к их умению при минимуме фактов делать широкие обобщения.

Вернемся, однако, к Гекатею. У Ельницкого мы читаем: «Гекатею представления об Океане вряд ли отличались последовательностью при всей кажущейся стройности его космологической схемы. То, что Геродот упрекает его за приверженность к легенде и, видимо, на него же опирается при изложении наиболее важных результатов ионийского навигационного опыта, показывает, что в представлениях Гекатея об Океане наряду с реальными и положительными данными уживались легендарно-поэтические идеи о мифическом всеобъемлющем потоке, окружающем ойкумену и отделяющем царство живых от царства блаженных»⁵⁹.

Да, в «Описании земли» Гекатея, где наряду с реальной географией были собраны и легенды, связанные с теми или иными племенами, с той или иной местностью, мы, вероятно, смогли бы найти и легендарно-поэтический образ гомеровского Океана. Но на его карте, представлявшей собой уточненный вариант карты Анаксимандра и, следовательно, отражавшей определенный уровень географической науки ионийцев, Океан мог означать только мировое море — совокупность как уже открытых морей, так и тех морей, догадка о существовании которых была одним из величайших предвидений ионийской науки.

И. А. Шишова

THE OCEAN AS PERCEIVED BY ANCIENT AUTHORS IN THE SIXTH TO FOURTH CENTURIES B. C.

I. A. Shishova

Some scholars hold that Anaximander was the first to apply the Homeric name «Okeanos» to a world-encircling sea. Hecataeus, like Homer, regarded Ocean as a river surrounding the earth. It is generally supposed that Herodotus meant his gibe at mapmakers (IV 36,2) to apply particularly to Hecataeus. If we turn to Aristotle's use of the word «ocean» the author believes it will be possible to determine more precisely the Ionians' conception of «Ocean». In the *Meteorologica* (1 346 b 37—347 a 6) Aristotle, observing that the circular movement of moisture in nature may be likened to a river, says that even thus must one understand the Ocean of the ancients, by whom, one may suppose he meant the Ionian natural philosophers. This is the only reference to the Ocean of the Ionians in all the works of which Aristotle was certainly the author. As H. Berger remarks

⁵⁶ Как уже отмечалось, у Аристотеля мы встречаем только одну попытку осмыслить Океан ионийцев. В применении к внешнему морю он пользуется определенным термином $\eta \xi \xi \omega \theta \acute{\alpha} \lambda \alpha \sigma \sigma \alpha$. Точно так же Платон пользуется словом $\theta \acute{\alpha} \lambda \alpha \sigma \sigma \alpha$, только для мифологической картины подземного мира с его реками, в число которых Платон включает и мифическую реку Океан (Phaed. 112E). В тех случаях, когда речь идет о море внешнем, Платон пользуется словом $\pi \epsilon \lambda \alpha \gamma \omicron \varsigma$ (см. *Ast. F. Lexicon Platonicum*. В., 1908, s. v. — mare: trop. immensitas; $\theta \acute{\alpha} \lambda \alpha \sigma \sigma \alpha$ у Платона, как отмечено в словаре Астивуса (s. v.), означает по преимуществу Средиземное море.

⁵⁷ См. *Рожанский*. Ук. соч., с. 134: «Греки воспитывались на эпосе, эпос был для них кладью общепародной мудрости, он формировал их этические и эстетические воззрения, естественно поэтому, что и картина мира, нарисованная создателями эпических поэм, была исходной картиной мира для каждого грека. Она явилась также той стартовой площадкой, с которой начала набирать высоту греческая наука».

⁵⁸ См. *Таннери*. Ук. соч., с. 23.

⁵⁹ *Ельницкий*. Ук. соч., с. 65 сл.

ked in this connection, Aristotle avoids passing judgment even where it is necessary to do so. In this case his reserve was probably due to the affirmation in his time of the thesis that the earth was spherical in shape, which required a radically different map. Aristotle's polemics on the views of his predecessors, in particular on the views of the Ionian philosophers on the sources and currents of the seas (the latter question was still being debated in Strabo's time), allow the inference that the Ionians may not only have connected the world-encircling sea with the circular movement of moisture; they may also have endowed it with the capacity to flow. This determined their choice of the name «Okeanos»: the Ionians, who habitually resorted to mythical terminology to express complicated meteorological and geographical phenomena, adopted the Homeric «Okeanos» to express their concept of a circular stream. The complex nature of the Ionian concept of Ocean, which in the 5th and 4th centuries was regarded as only the name of a mythical river, was rightly perceived by Aristotle.
